

Раздался дикий крик.

Мая вздрогнула и открыла глаза.

Лысый мужчина тоже резко повернулся. Прямо у него за спиной одного из его людей сжимал за горло старик в потёртой и грязной рубашке. Старик зажимал горло мужчины рукой и душил его. Лысый помешкал, заревел и рванул прямо на них, — тогда старик вдруг одним движением свернул шею мужчины, — его голова качнулась, как у тряпичной куклы, — и резким толчком запустил мёртвое тело прямо лысому под ноги...

Тот на него натолкнулся, вlepил ногой ему по голове, — раздался глухой хлопок, — запутался и свалился на землю, вздымая целый пыльный холм.

Фан Линь рванул в этот облако пыли, наступил лысому на затылок, кажется — тот крякнул — и так быстро оказался перед ещё одним противником. Тот был совершенно обескуражен, но всё равно бросился на Фан Линя, когда тот показался рядом, тараня его плечом. Мужчина увернулся и выставил перед ним ногу. Бугай налетел на подножку Фан Линя и на всех парах грохнулся о землю. Лёгкие его сами собой заглотили воздух, и не успел мужчина выкашлять пыль, как ему на шею наступили, и что-то в ней хрустнуло...

Фан Линь сразу же отскочил назад. К этому времени к нему прибежал ещё один работник свалки и с бешенством на лице выбросил ему в лицо кулак. Фан Линь ушёл от удара, методично повернулся всем своим телом и вытянул ногу; в одно мгновение мужчина стал ровным, как часовая стрелка. Бешеный с кулаком наперевес натолкнулся животом на его ногу, весь вздрогнул и свалился на колени. Его глаза побелели, а по толстым губам повалила пена.

Фан Линь столь же методично опустил вытянутую ногу, перекинул на неё вес и приподнял другую, и в резком развороте зарядил противнику прямо в висок — прибил его к земле.

Наконец мужчина опустил ногу и вздохнул. Вдруг во время вдоха его лицо перекосило, и страшная боль сдавила его левую голень. Кажется, свело мышцу... И ещё кажется, только эта сведённая мышца заглушала другую боль, — мужчина ко всему ещё и растянул паховую связку. Он наклонился, едва удержался на ногах и тяжело вздохнул. И тут вокруг зазвучали крики, овации, словно сотни белых птичек захлопали крылышками, взмывая в небеса.

Мужчина, сжимая зубы, растерянно осмотрелся и увидел, как люди, секунду назад расступившееся, такие испуганные, теперь снова сошлись вокруг него и хлопали. Их глаза горели. В них сверкала благодарность, подполяемая испугом. Сперва хлопали совсем немногие, всё-таки такая уж собралась толпа, — нелегалы по своей природе были тихими. Но потом как-то так пошло, что аплодисменты охватили вообще всех. Как круги на воде, когда бросишь камешек, — они расходятся всё шире и шире...

Фан Линь растерялся; ему вспомнилось, как ему хлопали раньше, много, много раз... Он всегда купался в овациях, всегда овации его как будто возвеличивали, но сейчас... Сейчас у мужчины были свежи воспоминания, как все эти люди убежали, пропуская уродцев к ребёнку, к девочке. Никто из них за неё не заступился. Они были слишком напуганы.

И если так подумать, они даже сейчас были в ужасе. Когда Фан Линь раскидал всех этих бугаев, люди увидели в нём нового хозяина, новую власть. Какой смех. На самом-то деле он просто дряхлый старик, который едва стоит на ногах. И сами они кто такие? Жалкие твари. Чего вообще стоят их овации?

— Дрянная фальшь, — с кислым лицом прошептал Фан Линь. Всё это было похоже на какое-то

издевательство над его прошлыми подвигами, на пошлую пародию, на зарисовки, которые он наблюдал плавающими глазами на детских утренниках. Мужчине стало мерзко на душе. Ему захотелось скорее отсюда убраться. Он быстро выловил взглядом Маю, хотел позвать её и замер. Потому что девочка тоже не сводила с него взгляда, только в её глазах был совершенно другой коктейль из чувств: она смотрела на него с пламенным благоговением. Оно было искренним. Мая улыбалась. Даже её тихое дыхание сделалось неровным...

Фан Линь растерялся, и вдруг все его чувства затрубили о тревоге. Мужчина резко перевёл взгляд на лысого, который всё ещё лежал на земле, у Майи за спиной. Тот с трудом достал что-то у себя из кармана. В его дрожащих, пыльных, больших как сардельки пальцах мелькнула красная пилюля. Мужчина положил её себе в рот.

— Беги! — заревел Фан Линь. Все вокруг вздрогнули, и Мая тоже. Она растерялась, а когда сообразила, что мужчина обращается к ней, было уже поздно. Лысый вдруг весь покраснел; на его голове пробилась сперва небольшие, а потом внушительные острые бычьи рога. Нос его сделался шире, губы стали голубыми. Он взревел и как бешеный рванул вперёд. Благо не на девочку, подумал Фан Линь, но на него самого...

За несколько секунд прежде чем «Бык» до него добрался, Фан Линь успел проанализировать, что же он был за тварью, и что за пилюлю только что съел. Называлась она Пилюлей Бешеного Демона и служила для того, чтобы временно стимулировать силу родословной. Обычно родословные возникали оттого, что кто-то в роду человека был демоном. Демоном обезьяной, собакой, лисой, быком... Почти все демоны вымерли после краха Девяти Небес, но кровь их всё ещё струилась в представителях человеческой расы, проявляясь иногда и через тысячу поколений.

Её можно было разбудить, и тогда воин на краткое время обретал силу своего древнего предка. Не всю силу, разумеется. Многое зависело и от того, насколько силён был сам демон, которому принадлежала кровь, и насколько качественной была пилюля. Очевидно у лысого мужчины пилюля была самая поганая, да и демон он был такой, слабенький. Он был бык, но далеко не Ньюован (1). Его силы после того, как он съел пилюлю, едва ли были как у воина на стадии Первой Руны.

Немного, но для нынешнего Фан Линя даже такой враг был чрезвычайно опасен. «Бык» рванул на него и за пару секунд махнул через несколько метров. Фан Линь едва успел швырнуть своё тело в сторону и свалился на землю. Мужчина немедленно вскочил на ноги, но бык уже бежал на него, сверкая своими рогами. Фан Линь едва успел схватиться за них руками, как его ноги оторвало от земли. Фан Линь пронёсся по воздуху, сжимая рога. Его спина врезалась в стальную пластину

Бык пригвоздил мужчину к машине, и с такой силой, что оставил на кузове грузовика вмятину. Мужчина попытался врезать ногой в грудь полудемона, но тот удара даже не заметил. Он смотрел на мужчину своими яростными, тёмными, жадными на кровь звериными глазами...

(1) Или же «□□□», мифический демон, огромный белый бык.